

ДМИТРИЙ ИГУМНОВ

ЛИХИЕ ГОДЫ

КАРТИНКИ С НАТУРЫ

Про годы правления Ельцина часто говорят: “Лихие 90-е”. Но что означает слово “лихие”? В нашем языке оно имеет два почти противоположных значения. В словарях русского языка находим: “Лихой — приносящий беду”, а также “лихой — молодецкий, удалой”. Так какими были эти годы, и какими они остались в памяти народной?

Развал великой страны, обнищание большинства населения, упадок производства... Это с одной стороны. Но с другой — свобода слова! И не только слова, но и действия. Свобода поведения людей, которая зачастую превращалась во вседозволенность, в безнаказанность.

...Василий Петрович Внуков впоследствии часто вспоминал тот день. День, который потряс его воображение и изменил взгляды на жизнь до самого основания...

Он, наконец, решил сходить на митинг. В те годы разнообразные митинги проходили ежедневно и повсеместно. Часто показывали их по телевидению. Почти все знакомые Василию Петровичу люди уже не раз побывали на этих демократических собраниях. А он не присутствовал там ни разу! Даже стыдно. Вот он и решил.

Вокруг небольшого деревянного возвышения, имитирующего трибуну, толпился народ: несколько десятков человек разного пола и возраста. На самой трибуне стоял ещё сравнительно молодой человек вполне приличной внешности. Но что он говорил?

ИГУМНОВ Дмитрий Васильевич родился в Москве в 1937 году. Служил на Балтийском флоте. Окончил Всесоюзный заочный энергетический институт. В настоящее время преподаватель Московского института радиотехники, электроники и автоматики. Автор книги прозы “Рыжий”, “Кукуй”. Живёт в Москве.

Сначала Василий Петрович просто не поверил ушам своим. Оказывается, немецкие фашисты были прекрасными добрыми людьми, стремящимися навести цивилизованный порядок в нашей варварской стране. Они всеми силами, даже ценой своей жизни хотели вразумить нас жить по-человечески. А вот мы — дураки и негодяи — подвергли разрушению их душеспасительные замыслы и даже уничтожили справедливейшую европейскую цивилизацию.

Послушав какое-то время этот бред, Василий Петрович попытался выкрикнуть своё возмущение оратору. Но никак не получалось — от крайнего волнения голос пропал. Однако потом, спустя несколько минут, он всё же издал звуки, похожие на вой:

— Ты что несёшь, негодяй!?

Этот возглас возмущения почти утонул в агрессивном ропоте присутствующих на митинге вольных слушателей:

— Не мешайте людям узнавать правду!

— Граждане, ведь это провокатор!

— Вали отсюда, пока цел, “совок” проклятый!

Василий Петрович продолжал открывать и закрывать рот, но уже беззвучно. Получив несколько ударов разной силы в бок от лектей “демократической общественности”, он сумел выбраться из одичавшей толпы. В потрясённом состоянии “совок” поплёлся по направлению к своему дому.

Неясные обрывки мыслей продолжали болтаться в очумевшей голове. Василий Петрович никак не мог остановить вихри своих несвязных заключений и, как заезженная пластинка, всё время повторял: “Бред какой-то...”.

Эту фразу выдохнул он и на пороге своей квартиры.

— Что с тобой стряслось? — участливо спросила жена. — На тебе лица нет!

Сбивчиво и непоследовательно Василий Петрович пересказал ей всё, услышанное на митинге.

— Тебе это в новинку? — с грустью в голосе спросила она. — Вот почти-тай “Московский комсомолец”. С работы принесла. Взяла у девчонок на время.

В одной из статей этой газеты описывалась просто идеалистическая картина жизни нашей страны, да и всей последующей истории в случае, если бы Советский Союз потерпел поражение в Великой Отечественной войне.

Реакция Василия Петровича на эту вакханалию слов оказалась уже много сдержанней — сказались подготовка, полученная от митинговых страстей. Да, он и теперь отказывался понимать, как удавалось кучке негодяев так оболванивать народ? Ведь это народ — герой, народ — освободитель Европы от фашистского ига. И даже тогда, в лихие годы он продолжал непоколебимо верить, что это временное помешательство пройдёт. Причём пройдёт скоро! И как же тогда будет интересно вновь прочитать эту гнусную статью!

— Могу я оставить эту газету у себя? — обратился он к жене.

— Нет, конечно. Я и так упростила дать мне её почитать на выходные дни. Завтра должна вернуть.

Василий Петрович, понимая бесполезность уговоров, не стал пререкаться с женой. Однако сам тихонечко и аккуратно вырезал из газеты маленький кусочек текста, который буквально воспламенил его возмущённое воображение: “Лучше бы фашистская Германия в 1945-м победила СССР. А ещё бы лучше — в 1941-м!” Эту маленькую вырезку он сохранил и до наших дней. А тогда, в *лихие годы*, помимо отстаивания исторической правды, им овладевало и желание посмотреть, с каким стыдом по прошествии времени будут читать эти вражеские строки его сограждане.

Всё увиденное и услышанное в тот воскресный день заставило Василия Петровича собрать свою волю в кулак. Заставило прямо посмотреть и с горечью принять суровую действительность лихолетья.

Поскольку в институте, где он работал, даже маленькую зарплату не выдавали по несколько месяцев, то пришлось устроиться на дополнительную работу — сторожем на автостоянку. Утром следующего дня Василий Петрович должен был заступить на очередное дежурство. Крайне возбуждённое состояние воскресного дня никак не подходило для внимательной и бдительной охраны автомашин на стоянке в течение следующих бессонных суток. Поэтому обязательно требовалось успокоиться и максимально отдохнуть.

— Пойду немного прогуляюсь. Подышу свежим воздухом.

— Иди, иди, успокойся. Ведь завтра с утра тебе заступать на дежурство, — участливо согласилась жена. — Только будь поосторожней. В овраге опять стреляют. Не подходи близко к прудам.

Дом, в котором жила семья Внуковых, располагался рядом с живописным широким оврагом. Особая привлекательность этого оврага состояла в присутствии в нём трёх небольших озёрков-прудов. Туда часто прилетали водоплавающие птицы — дикие утки, а иногда и чайки. В прудах водилась рыба. Так что на берегах почти постоянно сидели любители рыбной ловли с удочками. Раньше удавалось вылавливать карасей даже весьма впечатляющих размеров. Но со временем они почти выродились. Основная причина этого, похоже, состояла не столько в интенсивной ловле, сколько в появлении сорных хищных рыбок ротанов. Они-то и поели всю молодь, тем самым уничтожив былое разнообразие жизни водоёмов.

Василий Петрович не был любителем рыбной ловли, но горестно наблюдал, как вырождается природа в полюбившемся ему овраге. С некоторых пор к нему стали часто приходиться сравнения ненасытных ротанов с хищниками-людьми, захватившими власть в стране.

Прогуливаясь тем вечером возле своего дома, он стремился не нарушать данное жене обещание и не подходил близко к краю оврага. Однако, естественно, обратил внимание на языки пламени горящих возле прудов костров, на крики пьяных людей и на выпыхивающую временами стрельбу.

Одно из зданий, находящихся на противоположной стороне оврага, занимало общежитие какого-то промышленного предприятия. Похоже, что несколько проживающих в нём молодых мужчин решили устроить себе своеобразный праздник. Сначала они застрелили несколько диких уток, прилетевших на пруды. Затем развели костры и стали готовить закуску из своей добычи. При этом буйно веселились и в больших дозах пили палёную водку. Постепенно лихое веселье стало сопровождаться нестройным хоровым пением, криками, драками, купанием в прудах, стрельбой из ружей...

Ранним утром следующего дня Василий Петрович, напив на себя старую поношенную одежку, отправился на суточное дежурство. И на этот раз, как обычно, до станции метро он пошёл пешком. Путь его традиционно проходил через овраг. Было приятно перед любой работой неспешно пройти по тропинке, пролегающей между зарослями деревьев и кустов с одной стороны и берегом пруда — с другой.

Не было ни малейшего ветерка. Утренняя тишина сопровождалась лёгким туманом, стелившимся по воде. На самом берегу пруда сидел дымящий папирасой пожилой рыбак и наблюдал за поплавком своей удочки. Вся его расслабленная поза указывала на особое спокойствие и безмятежность. Совсем рядом, метрах в двух от его поплавка плавало тело утопленника...

Те *лихие* годы прошли. И слава Богу! Но так ли безвозвратно прошли они?

ТОСЯ

Субботний вечер уже клонился к закату, а в комнате Вицинских продолжалось застолье. Голоса детей разных возрастов постепенно стали затихать, уступая место голосу отца — Антона Адамовича. Слегка захмелевший не столько от умеренной дозы спиртного, сколько от обилия съеденной пищи, глава семейства пел. Пел он самозабвенно, высоким тенором народные, а чаще — военные и послевоенные песни. Его жена, Мария Прохоровна, слегка подпевала мужу. Но подпевала она только до тех пор, пока его репертуар не переходил в “разгульную стадию”. Попутно замечу, что Мария Прохоровна с лаской всегда называла своего мужа Тосей, и никак иначе.

Коронной у Тоси была песня, которую он называл “офицерской”:

*Как одна моя каналья
Позволяла брать за талью.
Ну, а ниже — ни, ни, ни,
Даже Боже сохрани.*

В конце каждого куплета он брал очень высокую ноту и продолжитель-но держал её. Песня заканчивалась, и тенор вдруг начинал чихать. Этот процесс тоже протекал не совсем обычно: если уж Тося начинал чихать, то чихал долго, не менее минуты.

Такие празднества в семье Вицинских происходили регулярно — два раза в месяц, когда Тося приносил домой аванс или получку. Но время обильной трапезы заканчивалось, и многодетная семья погружалась в период очень скромного существования. Как правило, денег до следующей получки не хватало. Приходилось жить впроголодь, а то и совсем голодать. Это было ужасно, ведь голодали не только родители, но и дети. Сердобольные соседки, которые сами-то едва “дотягивали” до следующей получки, всё же старались хоть как-то подкормить младших Вицинских. Кто принесёт тарелку супа или каши, а кто и просто ломоть хлеба.

Большинство трудового народа тогда, в послевоенные годы жило очень скромно. Заработной платы едва хватало, чтобы дожить от получки до пол-лучки. Но люди в то время были какими-то другими, не такими, как сейчас. Более человечными, что ли.

Соседи и особенно соседки осуждали сложившийся у Вицинских образ жизни и, наверное, правильно, что осуждали. У многих из них недостаток был ещё более скромным, но они всё же не голодали, а умели равномерно распределять свои расходы.

Дом был построен ещё до революции фабрикантом Михайловым для своей прислуги. Одну из комнат в нём с давних пор занимал любимый кучер барина — отец Марии Прохоровны. Со временем, после смерти отца, осталась там жить его единственная дочь со своим Тосей и детьми. Когда в этом доме пришлось побывать мне, то в нём по большей части проживали люди, уже никак не связанные с когда-то населявшими его слугами фабриканта.

В одной из угловых комнат бывшего владения Михайлова жила моя невеста Валя со своей матерью Александрой Ивановой, которую соседи, в зависимости от своего возраста, звали или тётей Шурой, или просто Шурой. В то время вечерами я учился в институте и поэтому почти постоянно носил с собой папку из кожзамениителя, в которой лежали всякие учебные принадлежности. Так вот, эта папка, а вернее, её обладатель буквально взбудоражили всё население дома. Почему-то Мария Прохоровна решила, что я являюсь следователем прокуратуры. Её просвещённое мнение единогласно поддержали все соседки и даже некоторые мужчины-соседи.

На общей кухне происходили своеобразные совещания: никак не удавалось убедительно ответить на вопрос: “Зачем к Шуре ходит следователь?” Действительно, Александра Ивановна работала на машиностроительном заводе, а её дочь — в “почтовом ящике”. Следовательно, ни одна, ни другая не были связаны с торговлей, то есть со сферой, где, по мнению тогдашнего населения нашей страны, и процветало воровство. Во время приготовления пищи обсуждались разные, порой почти невероятные варианты заинтересованности органов правопорядка в скромных советских труженицах. Но всё разрешилось в один момент, когда активная женская часть увидела в своём доме “следователя” без папки, но с цветами.

Со временем, познакомившись поближе с обитателями дома Михайлова, я узнал о них много нового и интересного. Оказывается, Антон Адамович раньше был кадровым офицером и служил в кавалерии. Вот значит, откуда в его репертуаре появилась “офицерская песня”. Но потом его вчистую комиссовали из-за какой-то странной болезни: он часто засыпал прямо в седле на лошади.

Как-то после очередного праздника у Вицинских я выразил Марии Прохоровне своё восхищение по поводу удивительного голоса её мужа.

— Уже не раз приглашали моего Тосю в Большой театр, — без тени смущения поведала она. — Но я не пустила.

— Почему?

— Пусть лучше будет возле меня.

Однако бывать возле своей жены тенору удавалось далеко не всегда. Большая семья требовала денег, так что приходилось ему подолгу задерживаться на работе, вернее, на работах. Помимо машиностроительного заво-

да — основного места трудоустройства, — Антон Адамович стремился подзаработать везде, где только появлялась возможность. Иногда он даже работал ночами. Приходил домой под утро: передохнёт пару часов и бежит на свой завод к началу утренней смены. Соседи про него так и говорили: “Вкальывает Тося до уюра”. А упором этим, наверное, являлся субботний вечер после получки со всем полагающимся ритуалом.

У Вицинских росло шестеро детей, дальнейшая жизнь которых сложилась по-разному. Антон Адамович очень гордился своей старшей дочерью Зиной, которая и в школе, и в институте училась отлично. Да и потом всё складывалось у неё неплохо. “Наша Зиночка вышла замуж очень удачно”, — не раз приходилось слышать мне из уст Марии Прохоровны. Другие дети Вицинских, особенно сыновья, были далеко не так обласканы жизнью.

Мне недолго пришлось пребывать в том самобытном доме. Вскоре его сломали, и жильцы получили отдельные квартиры в новостройках на окраине города. Кого-то из бывших соседей поселили кучно, в одном новом доме, а кого-то — совсем в другом районе. Так, семья Вицинских получила квартиру в большом удалении от основного места переселения.

Уже спустя много лет мы с женой совершенно случайно встретили Антона Адамовича на автобусной остановке. Встреча оказалось радостной для всех нас. В разговоре выяснилось, что он до сих пор ещё работает на своём машиностроительном заводе.

— А почему вы, дядя Тося, не уходите на пенсию? — удивилась Валя.

— Да неудобно.

— Как? Почему неудобно?

— Ведь Брежнев постарше меня будет, а всё работает. И не просто работает, а руководит всей страной! Вот мне и неудобно в свои годы лодырничать.

— Ну, вы, дядя Тося, герой!

— Да ладно... Посудите сами: слесарить много проще, чем нести такую огромную ответственность перед всем народом...

Вот так, уже садясь в подъехавший автобус, закончил излагать свою оригинальную мысль этот вечный труженик.

После той памятной встречи ни мне, ни Вале уже было не суждено вновь свидеться с Антоном Адамовичем. Но его голос, его песни забыть было нельзя.

СИН ЧАО¹

Начинался новый учебный год. Начинался он и на созданном уже три года назад международном факультете. Честно говоря, этот факультет называть международным можно было лишь с большой натяжкой. Учились на нём в основном ребята из бывших союзных республик, причём в подавляющем большинстве своём по национальности русские. Привлекательность обучения в нашем университете для них определялась не только тогда ещё вполне приличным уровнем высшего образования, но и упрощённым получением российского гражданства после завершения учёбы.

Однако случались и исключения. Так, на студенческом потоке, в котором предназначалось вести занятия Василию Петровичу Внукову, было несколько представителей далёкого Вьетнама. Когда он узнал об этом, то мгновенно вспомнил очень давнюю ситуацию, в которой оказался по милости партийных руководителей. Он считал случившееся с ним не просто неприятностью, а самым настоящим оскорблением.

...Во Вьетнаме шла война. Мощная группировка американских войск никак не могла одолеть героически защищавшийся народ этой небольшой страны. Способствовала тому и международная помощь, получаемая в основном из Советского Союза и Китая. Наша страна помогала Вьетнаму в борьбе

¹ Здравствуйте (вьетн.).

с захватчиками и поставками вооружения, и гуманитарными грузами, и военными советниками. Работали под бомбежками американских эскадрилий и советские технические специалисты.

В “почтовый ящик”, где тогда работал Василий Петрович, пришёл сверху приказ: срочно подобрать хорошего специалиста для отправки во Вьетнам. Требования к кандидату оказались очень жёсткими: возраст — не старше сорока лет, отличное физическое состояние. Он должен был прекрасно разбираться в электронной элементной базе и быть знакомым с самолётным радиолокационным оборудованием. Кроме того, было желательно, чтобы этот специалист имел за плечами воинскую службу и практику работы на испытательных полигонах. Для успеха в поиске такого кандидата в “ящик” был направлен офицер органов безопасности.

Тщательный отбор кандидатов по заданным параметрам выявил лишь одного подходящего специалиста. Им оказался начальник лаборатории отдела применения Василий Петрович Внуков.

Отметим, что интерес к электронной начинке сбитых американских самолётов был одним из определяющих. Он раскрывал новые возможности для развития отечественной электронной промышленности. Следовательно, требовался высококвалифицированный специалист, способный и оценить уровень трофейной электроники, и дать рекомендации для копирования её лучших образцов. Это главное, а какие-то небольшие слабости его анкеты можно было и не учитывать.

Размышляя о кандидатуре Внукова, кагэбэшник пришёл к выводу, что это лучший вариант, что именно его и следует предложить в качестве основного варианта. Был, правда, один недостаток, причём весьма существенный: Василий Петрович не был членом КПСС. Предполагая реакцию членов комиссии по этому вопросу, офицер долго колебался. Но, будучи государственным человеком, он, прежде всего, болел за интересы страны и поэтому всё же принял решение отстаивать перед членами комиссии кандидатуру Внукова.

Вася стал готовиться к решающему собеседованию. Выучил он даже несколько вьетнамских слов. В доверительном разговоре со своим другом и коллегой Игорем Степановичем основной кандидат на поездку во Вьетнам поделился своими планами:

— Как предстану перед членами комиссии, так и поздороваюсь по-вьетнамски: “Син чао”.

— Ну, ну, — предчувствуя неладное, грустно ответил Игорь. И не ошибся: на первом же заседании просмотровая комиссия отстранила беспартийного специалиста от ответственной командировки во Вьетнам, причём это решение было принято в отсутствие кандидата — для большинства её членов и так всё было предельно ясно.

Игорь Степанович был необычайно активным и вездесущим человеком. Он умел добывать интересующую его информацию самыми разнообразными способами, даже не всегда законными. Вот и на этот раз, спустя какое-то время, он узнал, как развивались события на том заседании комиссии.

— Удивительно и приятно хотя бы то, что звучали разные мнения по твоей кандидатуре, — делился Игорь добытой информацией со своим другом. — Среди членов комиссии оказались и настоящие радетели интересов Родины, а не только старые маразматики. Они пытались доказать остальным, что именно тебя надо отправить во Вьетнам, что именно ты сможешь принести максимум пользы. Но, к сожалению, такие люди у нас почти всегда остаются в меньшинстве. В результате победило другое мнение. — Он немного помолчал, сомневаясь, рассказывать дальше или нет, но потом всё же решился: — Один престарелый придурок даже предположил, что беспартийный специалист может перебежать к американцам.

— Это же бред какой-то, — возмутился Вася. — Что они там, совсем охренели?

— Да, похоже на то...

— Значит, пусть будет дурак, но лишь бы коммунист? Так спокойнее?

— Да, Вася, так спокойнее. Никто тебя ругать не будет, а интересы Родины — по боку.

— Ну и ну...

— Только вот хочу тебя поправить: не коммунист, а член партии. Это разные понятия.

— ?!..

— Давай сейчас не будем об этом. Не хочется. Потом как-нибудь обсудим это в другой обстановке.

— Ладно, — согласился Вася. — Вот не пустили меня на стажировку в Японию. Это ещё можно понять: приоритет следует отдавать членам партии. Затем дважды зарубили поездку в ГДР. Это понять уже сложнее — ведь была острая производственная необходимость. Да, ладно. Но теперь? По-моему, это не просто безответственность, а самое настоящее предательство интересов страны. Ты не согласен?

Игорь молчал. Какое-то время молчал и Вася, но потом заговорил снова:

— Кого вместо меня послали?

— Олега Гудкова. Ты ведь его хорошо знаешь...

— Да, Олег не дурак. Даже очень не дурак. Но специалист-то очень узкого профиля. Кроме своих испытательных стендов он больше ни в чем не петрит.

— Зато член партии!

...До начала занятий оставалось ещё несколько минут. В ожидании звонка Василий Петрович не спеша бродил по коридору возле лекционной аудитории. Он старался, как обычно перед встречей со студентами, сосредоточиться на материале предстоящих занятий. Но не получалось: сознание уведило его на несколько десятилетий назад. Вспоминался разговор с незабвенным Игорем Степановичем об отличии понятий “коммунист” и “член партии”. Теперь-то он прекрасно понимал правоту своего друга. И не только теперь. Пожалуй, все стало абсолютно ясно уже в годы горбачёвской перестройки, когда члены коммунистической партии начали пачками “увольняться” из неё. Членство в партии перестало приносить дивиденды, и даже начались неприятности. При ельцинском режиме слова “коммунист” и “патриот” стали почти ругательствами. “А ведь раньше, в советские времена без членства в партии рассчитывать на продвижение по службе, да и вообще на приличную перспективу в любом деле практически было нельзя, — рассуждал про себя Василий Петрович. — В результате псевдокоммунистами становились люди, бесконечно далёкие от коммунистических идеалов. А какие ультракоммунистические речи произносили пробившиеся “наверх”, и как рушились карьеры беспартийных специалистов! Ну, а что говорить про высших руководителей страны? Разве нынче найдётся хотя бы один человек в здравом уме, считающий Горбачёва и Ельцина коммунистами? Если только пациент дурдома”.

Василий Петрович болезненно переживал развал нашей страны. Мучительно пытался понять истинные причины краха Советского Союза. И после долгих-долгих размышлений пришёл к однозначному выводу: хотя причин тому было несколько, но главная из них состояла в несоответствии формы содержанию. По форме вроде бы было коммунистическое государство, но во главе его стояли люди, не имевшие права называться коммунистами, а то и откровенные проходимцы. Даже антикоммунисты. И большинство, абсолютное большинство рядовых членов правящей коммунистической партии были просто её членами...

Прозвучал звонок, означающий начало занятий. Как по команде, невесёлые мысли быстро покинули сознание Василия Петровича. Он любил свою работу и был ответственным человеком. Но несмотря на огромный педагогический опыт, перед каждой первой встречей с новыми группами студентов всегда испытывал волнение. Хотя внешне и старался сохранить невозмутимость. Обычно это получалось.

Через несколько мгновений после звонка Василий Петрович вошёл в аудиторию. Приветствуя преподавателя, студенты встали со своих мест. Василий Петрович молча, делая привычный жест рукой, приглашающий студентов занять свои места, прошёл к кафедре.

С небольшим сопровождающим шумком большинство молодых людей выполнили это указание. Преподаватель положил свой портфель на стол у

доски и долгим взглядом обвёл всю аудиторию. В первых двух рядах продолжали стоять студенты-вьетнамцы. Они по-азиатски уважительно улыбались.

— Здравствуйте, товарищи! — По старой привычке Василий Петрович именно так продолжал обращаться к студентам. — Син чао! — Взгляд его был проничен и строг одновременно.

ЛУКА

В первые послереволюционные годы на самом пороге гражданской войны произошло событие странное и удивительное, из ряда вон выходящее: в лесу на Макарьевском болоте деревенские мужики нашли странного однорукого человека. Почти вплотную подступающий к окoliце заболоченный лес простирался за деревню до бесконечности. Никто не знал даже, где он кончается. Местные старики уверяли, что продолжается он аж до Белого моря. Потому было совсем непонятно, как этот человек мог появиться здесь посреди огромного болота. Ведь пройти туда могли только местные жители, да и то не все.

Крайне исхудавший — кожа да кости, — в грязных лохмотьях, найдёныш всё время что-то лопотал не по-русски, плакал и крестился, но не по-нашему, а слева направо.

Мужики привели его в деревню. Накормили, кое-как приодели. Нужно было решать, что с ним делать? По этому поводу на следующий день состоялся деревенский сход. Не только жалостливые русские бабы, но и мужики жалели пришельца. Лишь одна старуха — местная колдунья — пыталась убедить односельчан, что этот инородец и иноверец принесёт им горе. Но её никто не послушал — мало ли что кликушествует старая карга... В общем, поговорили, повздыхали и порешили оставить его в деревне.

Из произносимой одноруким найдёнышем тарабарщины удалось лишь узнать, что зовут его не то Лукасом, не то Лукашом, а может, и несколько иначе, но похоже. Потому в русском варианте ему подошло имя Лука. Так впоследствии и стали его звать. Но узнать про прошлое Луки не получилось ни тогда, ни потом. Даже спустя многие годы он никому не открыл своей тайны. В народе говорили разное, но никто доподлинно ничего не знал. Вопросы: что за человек Лука? Какого он рода-племени? Как оказался в заболоченном лесу? Так и остались безответными вопросами.

На том же деревенском сходе было решено приставить Луку в помощники к пастуху Ёгору “для прохождения практики”. Сам же Ёгор часто запивал, да и вообще требовал большего вознаграждения за свою работу. Грозился уйти в другую деревню. Вот и посчитали, что пусть Лука пока пообживётся, а уж потом и найдёт себе подходящее занятие. Кроме того, установили очередность крестьянских дворов, в которых, меняясь по дню, будет жить Лука в качестве внештатного едока. Так и порешили.

Время шло. Лука прижился в деревне. После ухода Ёгора он стал основным пастухом. А когда наступила зима, ходил по дворам, выполняя самую разную крестьянскую работу. Несмотря на свою однорукость, он оказался на редкость ловким, жилистым и хватким работником. Не раз и не два случалось, что даже местные мужики приходили посмотреть, как здорово и споро управляется Лука одной рукой. Могло показаться, что любая, даже самая тяжёлая работа доставляла ему радость. Одной рукой он дрова колот, и коровник убирал, и стожки сена перекидывал играючи...

Постепенно, без каких-либо знаковых событий Лука становился одним из самых уважаемых жителей деревни. Авторитет его продолжал неуклонно укрепляться. Не знаю, как Луке удалось получить долгожданный документ, подтверждающий законность проживания в приютившей его деревне. В той заверенной печатью справке говорилось, что он — Лука Мастернак — является самым что ни есть местным крестьянином. Вскоре после такого официального признания его статуса Лука женился. Примечательно, что его женой стала первая во всей округе красавица, которую с тех пор односельчане стали звать уважительно Луковной. Попутно замечу, что о своём прошлом Лука ничего не рассказал даже жене.

Уже много лет спустя мне удалось застать в живых эту бывшую красавицу. До сих пор вспоминаю Луковну в образе древней старухи, вечно полупьяной, с шамкающим беззубым ртом. При любой погоде ходила она по деревне в старых резиновых сапогах, надетых на босые кривые ноги.

За совместную жизнь Луки и Луковны родились у них два сына и дочь. Когда дети выросли, то уехали из деревни кто куда. Местные старухи рассказывали мне, что дочь Луковны иногда проведывает мать, хотя и очень редко. А вот про её сыновей никто ничего сказать не мог — куда-то сгинули. И всё.

Когда в стране началась коллективизация, то первым и постоянным председателем местного колхоза практически единогласно избрали Луку. К тому времени его авторитет в деревне стал непререкаемым. Да, найдёныш Лука оказался незаурядной личностью и на своей властной должности буквально расцвел. Его ум, рачительность и организаторский талант вместе с жёстким характером оказались очень кстати. Особенно запомнилось, как проявил себя Лука в годы Великой Отечественной войны.

Колхоз под его диктатом работал на пределе сил. Председатель выжимал из крестьян последние соки. Наказания для нерадивых работников были суровыми, вплоть до применения физической силы. А бить своей единственной рукой Лука умел мастерами. После встречи с его костлявым кулаком долго сохранялась отметина — “клеймо Луки”. Бил председатель не только действительно лодырей, но и несчастных измотанных баб, и полуголодных подростков. Всех и всегда понуждал работать на износ. Зато план сдачи сельхозпродукции колхозом государству выполнялся всегда.

После окончания войны труд Луки был высоко оценён вручённым ему в Москве орденом. Однако вскоре после этого знаменательного события Лука куда-то подевался, пропал. Несколько дней односельчане находились в полном недоумении, пока мальчишки случайно не обнаружили в реке прибывший к берегу труп Луки. Испугавшись, они опрометью бросились в деревню, где сбивчиво, с ужасом рассказали о случившемся.

Пока эта новость распространилась по деревне, даже слегка обесудилась, пока была определена группа людей, которая пришла к месту ужасной ребячьей находки, тело орденосца исчезло. Может, утонуло оно, а может, и унесло его течением реки. Так его и не нашли.

Споры о причине гибели Луки продолжались десятилетиями. Даже мне удалось поприусловствовать при вновь вспыхнувшем обсуждении этого давнишнего события. Одни сельчане уверенно считали, что Луку убили смертельно обиженные на него люди. Это выглядело правдоподобным, поскольку беспощадный председатель врагов себе нажил много, даже очень. Но была и другая заслуживающая доверия версия: окончательно обрусевший Лука просто утонул по пьянке.

— Пить он здорово начал опосля войны, — уверяла одна знакомая мне старуха. — Может, грехи стали терзать душу его окаянную?

Как бы то ни было, ясным осталось одно: тело Луки, а стало быть, и он сам навечно “поселились” в реке. Вот так и оставил Лука у односельчан хорошую память о себе не только земную, но и речную.

С тех пор любое мало-мальски заметное происшествие на реке стало приписываться участию Луки. Если, например, уплывёт привязанная у берега лодка или порвётся рыбацья сеть, или даже заглохнет мотор — всё это козни Луки. Часто можно было услышать: “Лука балует” или “Лука озорует”. Ну, а при происшествиях с тяжёлыми последствиями — “Лука совсем залотовал”.

Время моего пребывания в деревне подходило к концу. Я договорился с одним из местных мужиков, чтобы он подвёз меня на своей моторке к ближайшему довольно большому селу. Туда через день приезжал рейсовый автобус.

Дальняя родственница моей жены, у которой я гостил, пошла проводить меня до лодки. Уже прощаясь, она внимательно посмотрела сначала на хмурое небо, а затем на потемневшую волнующуюся воду. Потом долго прислушивалась к плеску рыбы в соседней заводи и, наконец, изрекла:

— Ты малость остерегись. Ноне, в таку погоду, Лука шибко озорует.